

СОФА ЯСЕНЕВА

РАЗВОД

Пусть все знают правду

Софа Ясенева

Развод. Пусть все знают правду

<https://litres.ru/74212033>

Аннотация

Я всегда думала, что у нас с мужем крепкий брак. Что любовь и доверие — это про нас. Пока однажды не открыла дверь в ложу на концерте... И не увидела его с другой женщиной.

Мой муж не просто мне изменил. Он даже не считает, что сделал что-то ужасное.

Теперь я хочу, чтобы все узнали правду о нём, а я обрела свободу.

Книга участвует в литмобе: "Скандальный развод". Все книги можно найти по ссылке:

График выхода глав: через день

Содержание

Глава 1 Инна	4
Глава 2 Инна	10
Визуализация	17
Глава 3 Инна	19
Глава 4 Константин	25
Глава 5 Инна	31
Глава 6 Инна	37
Глава 7 Инна	43
Глава 8 Константин	49
Глава 9 Инна	55
Глава 10 Константин	61
Глава 11 Инна	68
Глава 12 Инна	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1 Инна

Я очень тороплюсь на концерт, чтобы составить компанию своему мужу. Настолько, что вызвала такси ещё десять минут назад. На часах без пяти шесть, и если я немного задержусь, опоздаю наверняка.

— Я ушла, меня нет! — предупреждаю ребят в своём отделе, на ходу собирая со стола документы.

— Инна Борисовна, так что всё-таки делаем с “Семёрочкой”? — доносится из-за монитора голос Марка.

— Подготовь новое маркетинговое предложение. Обсудим завтра.

— А...

— Прости, но у меня нет времени...

Тянусь за телефоном и случайно задеваю кружку, подаренную мужем. Не успеваю поймать, и она разбивается на крупные осколки. Не к добру это. Надеюсь, это просто глупые суеверия, и ничего плохого сегодня не случится.

Собираю кусочки и выбрасываю в мусорку.

Бегу по лестнице вниз, каблуки громко стучат по бетонным ступеням. Выхожу на улицу, жмурюсь от вечернего солнца, оно светит прямо в глаза, цепляется бликами за стёкла машин. У обочины стоит синяя “Киа”, водитель уже высунулся в окно, заметив меня.

— Это вы вызывали?

— Да-да, — киваю и сажусь на заднее сиденье, захлопывая дверь. — Прошу вас, как можно скорее. Я очень опаздываю.

— Пробки везде, все с работ едут, — бурчит он, лениво включая поворотник.

— Я заплачу двойной тариф.

Он что-то недовольно бормочет про то, что “в гроб он не спешит”, но всё же прибавляет газу. Машина дёргается вперёд, вливается в плотный поток. Всё как всегда: деньги стимулируют любого делать то, что нужно тому, у кого они есть.

Я откидываюсь на спинку сиденья, нетерпеливо постукиваю пальцами по сумке. За окном ползут серые кварталы, люди у автобусных остановок, вывески супермаркетов. Всё это мелькает, как фон, а моё внутреннее беспокойство только нарастает.

Я мечтаю только об одном, как сделаю сюрприз мужу. Три месяца назад, в его сороковой день рождения, я подарила ему билеты на концерт его любимой группы, “Oasis”. Тогда он долго удивлялся, не веря, что я успела купить, ведь обычно билеты на них раскупают за пятнадцать минут. Я же знала: если хочется — можно всё. Мне несложно было сделать это ради него. Он мой любимый, самый главный мужчина в моей жизни. Порадовать его мне приятнее, чем купить что-то для себя.

У нас с ним довольно большая разница в возрасте, пятнадцать лет. Но я её не ощущаю. Иногда наоборот, кажется,

что он моложе меня по духу. С ним я спокойна, уверена, что рядом человек, который всегда знает, что делать. Мы с ним — родственные души, я в этом не сомневаюсь. Такое встречается нечасто.

Ещё вчера вечером, когда внезапно перенесли важное совещание на день раньше, я сообщила Косте, что не смогу пойти с ним на концерт. Даже расплакалась от досады, глупо, наверное, но обидно было ужасно. Разумов, как обычно, отнёсся с пониманием. Улыбался, говорил, что ничего страшного, работа — это важно. В итоге мы договорились, что если я смогу вырваться раньше, то позвоню ему и предупрежу.

Весь день я была как на иголках. Поэтому когда всё вдруг сложилось, совещание прошло быстро, план продаж я презентовала за час вместо двух, внутри будто щёлкнуло. Я решила просто поехать. Без звонка, без сообщений. Сделать сюрприз, как раньше, когда только начинали встречаться. Меня подгоняло жутко неприятное ощущение под ложечкой.

Я даже придумала, как всё будет: подкрадусь сзади, закрою ему глаза ладонями и спрошу: угадай, кто это. Конечно, он поймёт сразу. Но всё равно мне хочется именно так. Хочется видеть его удивление, улыбку, услышать, как он смеётся.

Не знаю, почему, но внутри будто тянет туда. Какое-то предчувствие, едва ощутимое, но настойчивое. Не спрашивайте, зачем. Я привыкла доверять чутью.

Когда такси останавливается у огромного стадиона, я расплачиваюсь, выскакиваю из машины и оказываюсь в потоке людей. Пробираюсь среди них так быстро, как только могу, постоянно извиняясь. Сердце колотится, в груди дрожь, будто я школьница, а не руководитель коммерческого отдела крупного предприятия.

Нахожу электронный билет в телефоне и подхожу к знакомому охраннику у входа. Мы частенько бываем на этом стадионе. Он сканирует его, взгляд хмурый, внимательный.

— Что-то не так? — спрашиваю я, чувствуя, как ладони становятся влажными.

Ощущение, что он знает о чём-то, чего не знаю я.

— Секунду, нужно кое-что проверить.

— Конечно, — киваю, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё уже сжимается от тревожного ожидания.

Переключаюсь на фронтальную камеру и проверяю укладку. Волосы чуть выбились у висков, провожу ладонью, приглаживаю. Макияжа почти нет, только ресницы тронуты тушью. Я специально не накрасила губы, знаю, что мы с Костей будем много целоваться. Хочется, чтобы всё было естественно, как раньше, когда ещё не было этого напряжения, накопившегося между нами за последние месяцы.

Теряю терпение, потому что первые аккорды песни уже заиграли, и зал взорвался криками. Меня будто специально задерживают.

Охранник переглядывается с коллегой, будто молча све-

ряясь, стоит ли меня пускать. Потом один из них коротко кивает:

— Проходите, пожалуйста.

Я иду по коридору, который уводит в сторону частных лож. Шаги звонко отражаются от стен. Приглушённо доносятся гул концерта. Кажется, будто нахожусь где-то за кулисами чужой жизни, вот только за дверью меня ждёт мой муж, и от этого сердце бьётся чуть быстрее.

У нас бронирована отдельная приватная ложа. Это было моё условие, я хотела, чтобы нас никто не отвлекал, чтобы мы могли насладиться вечером вдвоём, поговорить, обнять друг друга под музыку, просто побыть вместе. Я иду туда, чувствуя, как ладони потеют от волнения.

Прикладываю к считывателю карточку, выданную охранником. Замок тихо щёлкает. Я толкаю дверь.

Делаю шаг вперёд, и в этот момент сердце будто проваливается куда-то вниз. Что-то не так. Я слышу сорванное дыхание, стоны, шлепки тел друг о друга.

Костя здесь не один, он с женщиной.

И они не просто смотрят концерт на соседних сиденьях. О нет, это было бы слишком просто.

Я не могу отвести взгляд, хотя хочется исчезнуть. Мыслей нет, только пульс в висках, сухость во рту и странная, жгучая тишина внутри.

Кажется, сейчас просто упаду замертво. Опираюсь о стену.

Я вижу длинные ноги в чулках, красные туфли на высоченном каблуке. Сердечко попы. Она наклонена вперёд, смотрит на экран с трансляцией концерта, держится за спинку сиденья, а мой муж вдалбливается в неё со звериным рыком.

— Да, вот так, кис, вот та-а-ак!

Она шатается, балансируя на своих ходулях, подмахивает ему.

— Костя, а-а-а! Да! Быстрее, давай же!

Разумов шлёпает её по попе, отчего она взвизгивает, а после этого трясётся всем телом, оповещая мужа:

— Кончаю, я кончаю!

И тот ускоряется ещё сильнее, действуя как отбойный молоток.

Зачем я на это смотрю? Сама не знаю. Я просто застыла, как статуя, не понимая, как дальше быть. Никогда в жизни, даже в самых страшных снах, я не могла представить, что мой любимый мне изменит.

Не верю, что это не бред, не галлюцинация. Это и правда произошло.

Мобилизую в себе все внутренние резервы, чтобы сделать шаг назад и выскользнуть за дверь.

Мир рушится без единого звука.

Глава 2 Инна

Выбегаю мимо напрягшихся охранников наружу, почти сбивая плечом дверцу. Заворачиваю за угол, где меня выворачивает желчью прямо на нагретый за день асфальт. Сгибаюсь пополам, держусь рукой за стену. Из глаз текут слёзы. Так плохо, будто я тонну тухлой селедки съела. Горло обжигает кислотой, в ушах звенит, в ушах гулко стучит кровь.

Знаю, что это нервное. Нужно просто успокоиться, подышать, и всё пройдёт. Только вот как? Как успокоиться, если все органы внутри перемолоты в кашу? Я не верю, что Костя может быть таким. Не верю, что это тот же человек, который утром целует меня и говорит, чтобы я не задерживалась на работе. Он был другим — диким, почти зверем. Жёстким, даже жестоким. И самое страшное, она не была против. Она будто ждала именно этого, подстраивалась под него, будто это не первый раз.

Их не смущало ничего, ни то, что туда может кто-то войти, ни то, что за стеной тысячи людей, шум, прожекторы, камеры. Да, конструкция ложи такая, что со стороны никто не видит, кто внутри, но разве можно вот так? В этом что-то непостижимо грязное, бессовестное.

Это ведь должен был быть наш вечер. Я спешила к нему, летела через весь город, чтобы быть рядом. А Костя... видимо, решил воспользоваться тем, что меня не будет. И ведь

это только начало концерта. Я опоздала всего на десять минут. Десять! Значит, он пришёл с ней сразу. Не случайно. Намеренно.

Я так и не поняла, кто она. С того ракурса почти ничего не видно. Только вспышки света, очертания тел и деталь, которая въелась в память: красные туфли на огромной шпильке. Такие не забудешь.

Мозг, будто спасаясь, переключается на анализ. Да, это точно Сальваторе Феррагамо. Только у них такой изгиб каблука, фирменный ремешок и эта неповторимая лаковая поверхность. Я бы узнала их из тысячи. Но знание это не даёт ровным счётом ничего. Ни намёка, ни подсказки. Просто бессмысленная деталь, за которую уцепилось сознание, чтобы не сойти с ума.

Я вызываю такси, пальцы дрожат, экран телефона плывёт перед глазами. Еду домой. Сегодня я не за рулём. Надеюсь, что домой мы поедem вместе, как планировали изначально. Теперь просто хочу, чтобы это закончилось. Во рту стоит противный горький вкус. Я закрываю глаза, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу и уговариваю себя: только бы доехать, только бы дотерпеть до дома.

Когда наконец захожу внутрь, меня снова накрывает волной. Сначала перед глазами темнеет, потом тошнота возвращается с новой силой. Я едва успеваю добежать до ванной, падаю на колени, обхватываю унитаз руками. Всё тело дрожит, мышцы сводит от спазмов. Меня выворачивает, пока не

становится пусто внутри, до звона, до боли в рёбрах.

Едва отпускает, поднимаюсь и смотрю на себя в зеркало. Свет режет глаза, кожа бледная, как мел. Капилляры в глазах полопались, вокруг всё припухло, губы сухие, потрескавшиеся. Волосы сбились, на шее красные пятна, следы от нервного жара. Весь мой вид говорит о том, как мне плохо. Физически и морально.

Я не знаю, что делать дальше. Понятия не имею, как поступают женщины, которые застали мужа с другой. Наверное, закатывают скандал, бьют посуду, швыряют вещи в чемодан, выставляют его за дверь. А я не могу даже представить, как поднимаю чемодан с верхней полки гардеробной. Я будто сломана. Слишком слабая, чтобы действовать, слишком униженная, чтобы плакать.

Телефон вибрирует на столике в прихожей. На экране — папа.

— Иннусь, ты чего так рано дома? — голос привычно мягкий. — Я же помню, ты торопилась к Косте.

— Пап, ну что за привычка следить? Может, хватит? Зачем тебе проверять, где я? — отвечаю резко, потому что не готова к разговору.

— Просто ты отказалась от Ивана, а он ждал, чтобы отвезти тебя. Переживал, как ты доберёшься.

— Почувствовала себя не очень, вот и решила остаться дома.

— Ну ладно, отдохни тогда. Завтра тебя ждать на летучке?

— Конечно, что за вопрос.

Когда кладу телефон, чувствую себя как выжатый лимон. Врать папе, тому, кто всю жизнь видит меня насквозь, почти невозможно. Он мгновенно поймёт, что что-то не так, стоит только заглянуть мне в глаза. Не так уж часто я лгу, но сейчас просто не могу иначе. Не хочу поднимать скандал, пока сама не пойму, что произошло.

А чего же я хочу?

Наливаю себе стакан воды в кухне и прохожу в гостиную. Плитка под ногами холодная, шорох шагов отдаётся эхом в пустом доме. Устраиваюсь в подвесном кресле, которое чуть покачивается от моего движения, тихо поскрипывая. Вода в стакане дрожит, как будто отражает всё то, что внутри меня.

Во-первых, я хочу знать, кто она. Почему именно она? Что в ней такого, чего не хватило во мне? Он меня больше не любит? Или всё гораздо проще — просто захотелось новенького? В голове крутятся одни и те же вопросы, как заевшая пластинка, и от этого хочется кричать.

Во-вторых, измену я не прощу. Никогда. Будем разводиться. И я сделаю всё, чтобы для Разумова этот развод оказался кошмаром. Если он думал, что я тихо уйду в сторону и позволю ему продолжать жить, будто ничего не случилось, — ошибся.

Он мог бы прийти и честно сказать, что его что-то не устраивает. Я бы попыталась понять, исправить. Да в конце концов, если разлюбил, можно было бы разойтись по-че-

ловечески. Но вот так... цинично изменять, в толпе, на глазах у тысяч людей... в тот самый момент, когда я ехала к нему, спешила, чтобы провести вечер вместе. Не понимаю. Не укладывается в голове.

Делаю глоток воды. Она ледяная, обжигает горло, будто напоминая: я живая. Ставлю стакан на пол, слушаю, как он звякает о паркет. В горле сжимается спазм, такой, что дышать трудно. Хочется выть — от несправедливости, от предательства, от этой тупой боли, которая распирает изнутри.

Кусаю указательный палец на левой руке и сжимаю челюсть до боли, пока не чувствую, как кожа под зубами лопается. Во рту появляется металлический привкус крови. Отдёргиваю руку, встряхиваю, палец теперь пульсирует болью в такт сердцу.

Откидываюсь назад в кресле. Взгляд упирается в потолок, на котором пляшут тени. Всё внутри как будто инеем покрылось, заledenело. Я помню, как была счастлива, когда мы с Костей поженились. Помню, как он тогда смотрел на меня, будто я весь его мир. И кто бы мог подумать, что всего через два года я буду сидеть вот так, в темноте, с разбитым сердцем, и пытаться осознать, что это действительно происходит со мной.

Не двигаюсь. Просто сижу, слушаю, как тикают часы на стене, и время будто застывает. Не знаю, сколько проходит, десять минут или несколько часов, когда наконец слышу щелчок замка входной двери.

Разумов действует очень тихо. Думает, что я сплю. Свет не включает, наверное, боится разбудить. Но я слышу каждый его шаг. По мягкому ковру прихожей, по паркету в коридоре, шаги уверенные, спокойные. Он идёт прямо сюда, в гостиную. Зажигает напольную бра, и свет падает на меня.

Вздрагивает, не ожидая увидеть, что я здесь.

— Инна, ты чего здесь сидишь? Заснула, что ли, в кресле? — голос его звучит ласково, но я слышу, как в нём проskalъзывает настороженность.

Он подходит ближе, присаживается на корточки и кладёт голову мне на колени. Тепло его дыхания чувствуется сквозь ткань платья. Я машинально тяну руки к его волосам, привычное движение, но останавливаюсь в сантиметре. Пальцы дрожат. Мне противно.

— Такая напряжённая... — он хмурится. — Случилось что?

Тянет меня за руки, будто хочет прижать к себе.

— Давай я тебе сделаю расслабляющий массаж, — его голос почти мурлыкающий.

Я не двигаюсь. Руки, которых он пытается коснуться, будто чужие, не слушаются.

Он поднимает меня, и я вынуждена встать, но тут же руки падают вниз, как плети.

— Инна, я так устал за сегодня. — Он делает шаг ближе, ищет мой взгляд. — Давай же, помоги мне хоть чуть-чуть.

Улыбается, как всегда, будто ничего не произошло.

— Гадать, на что ты обиделась, я могу до утра. Дай хотя бы намёк. Ты хотела, чтобы я тоже не пошёл на концерт, раз ты не успела?

И в этот момент мне становится окончательно ясно: он не просто изменил. Он даже не считает, что сделал что-то ужасное.

Визуализация

Инна Разумова, 25 лет

Работает руководителем коммерческого отдела на заводе отца по производству молочной продукции. Этот завод является основным поставщиком для сети супермаркетов её мужа. В целом закрытая и амбициозная женщина, но с мужем очень нежная.

Константин Разумов, 40 лет

Руководитель сети супермаркетов “Фрешмаркет”, крупнейшей в стране.

Считает жену особенной, достойной самого лучшего. Его же мысли не так чисты. Из-за этого в их семье и возникли проблемы.

Мои хорошие,

Рада вас видеть в своей новинке♥️#

История будет непростая, местами болючая, но нашу героиню обязательно ждёт хэппи энд.

Поддержите пожалуйста новинку звездочками и библио-

теками, буду очень вам благодарна!

Ваша Софа

Глава 3 Инна

— С кем ты был на концерте?

Я произношу это тихо, но каждое слово будто чеканю. Намеренно не даю ему времени, ни секунды на то, чтобы сообразить, как соврать красиво. Кто бы она ни была, я имею право знать.

Костя оборачивается, на его лице безмятежное удивление, как будто я только что спросила, зачем он взял мой плед.

— С чего ты решила, что я был там не один?

Вот ведь подонок. Какой же изворотливый, хитрый мерзавец! Спокойно, уверенно, глядя прямо в глаза, делает вид, что я всё выдумала, что у меня просто "фантазия разыгралась". Я чувствую, как сжимаются пальцы на стеклянной поверхности стакана, ещё чуть-чуть, и я раздавлю его.

— Чутьё, Кость. Так что, расскажешь?

Он делает паузу. Всего одну секунду, но я вижу, не хочет говорить. В голове мгновенно выстраиваются варианты: подкупить охрану, выудить записи с камер, обратиться к знакомым из его офиса. Я сделаю всё, чтобы узнать, кто эта женщина. Только зачем такие сложности, если я могу просто надавить на Разумова?

— Прости. Думал, что ты будешь ревновать. Забыл, что ты у меня самая понимающая девочка в мире, — он говорит это с мягкой улыбкой, тянется ко мне и нежно гладит щёку.

Большой палец легко задевает нижнюю губу.

Этот жест всегда обезоруживал. Он знает, как на меня действуют его руки, его прикосновения. Когда-то от них по спине бежали мурашки, сейчас будто током ударило. Меня будто парализовало.

Перед глазами всплывает картинка, яркая, мерзкая, словно кадр из сна: разгорячённые тела, липкая кожа, короткие, сбивчивые движения, животный ритм. Без нежности, без слов. Только жажда и похоть.

Со мной Костя никогда не был таким. Всегда внимательный, будто оберегает, будто боится сломать. Если я не успевала кончить, он был недоволен собой, а не мной. Говорил, что женщина должна быть счастливой, иначе всё зря. А теперь этот контраст ломает всё, что я знала. Как будто кто-то раздавил стеклянный купол, в котором я жила.

Он видит, что я молчу, и пользуется этим. Разворачивает меня спиной, подталкивает к окну и прижимается. От неожиданности я теряю равновесие. Холод стекла чувствуется всем телом. Я чувствую его дыхание, горячее, настойчивое. Он возбуждён. Меня охватывает дрожь, не страсть, а отвращение. Не факт, что он вообще был в душе после неё. И хватает же совести... приставать ко мне после этого!

Он, конечно, замечает мою скованность, но интерпретирует её по-своему. Его губы касаются шеи, голос низкий:

— Инн, ты у меня одна единственная, самая главная женщина в жизни, самая любимая, самая желанная. Нет повода

для ревности.

Я тихо смеюсь. Смех получается какой-то сдавленный, рванный, почти безумный. Если бы я не зашла в ту ложу, я бы, возможно, опять поверила. Как и всегда. Ведь моё доверие к нему было непоколебимым, я считала его фундаментом нашего брака.

— Ты смеёшься, что ли? — он разворачивает меня к себе, нахмурившись. Взгляд изучающий, настороженный.

— Это нервное, Кость, — выдыхаю и выпрямляюсь. — И всё-таки? Ты так и не ответил...

Он делает вид, будто взвешивает слова.

— Да Юлия Новикова со мной была. Наша глава эйчаров. Не знаю, помнишь ты её?

Помню. Ещё как. Яркая блондинка со сделанной грудью, которая живёт отдельной жизнью. Обтягивающие блузки, «случайно» расстёгнутые пуговицы, макияж на грани приличия. И взгляд оценивающий, колючий. Каждый раз, когда я приходила к Косте, она меня буквально прожигала глазами. Теперь понимаю почему.

— Видела пару раз у тебя в офисе, — как можно непринуждённее отвечаю.

— Я просто упомянул, что иду на концерт, а ты не можешь, — продолжает он тем же ровным голосом. — Она сказала, что тоже хотела попасть и... напросилась.

— М-м-м... — только и выдыхаю.

— Билет всё равно бы пропал. Поэтому я согласился, —

пожимает плечами, будто рассказывает о каком-то обеде с коллегами, а не о женщине, с которой переспал.

Молча смотрю на него. На идеально выглаженную рубашку, на чуть влажные волосы, на лицо, в котором ни следа вины.

Господи, он что, робот? Стоит передо мной, как будто ничего не случилось. От него прёт такая уверенность в себе, в своих словах, в своей правоте, что я просто теряюсь. Я, которая всё видела, от начала и до конца, теряюсь. Начинаю сомневаться уже в собственном ментальном здоровье, будто всё это мне приснилось.

Вдыхаю его запах, свежий, привычный, родной. Смешанный с его парфюмом, тем самым, что я когда-то выбрала ему сама. И от этого становится не просто больно, тоскливо до слёз. Я ведь понимаю: это конец. Сейчас я последний раз стою рядом с ним, последний раз дышу тем же воздухом. Последний раз чувствую его близко. А дальше... дальше начнётся то, что я даже представить боюсь.

Но я знаю одно, ничего просить не стану. Я заберу своё по праву. Всё, что мне причитается. А уж насколько сложным будет этот процесс, зависит исключительно от того, насколько он окажется жадным.

Смотрю на него внимательно — нет ни капли раскаяния. Ни малейшего сожаления. Словно не он только что разрушил нашу жизнь. Так с какой стати мне его жалеть?

Я у себя одна. И больше не позволю никому так со мной

поступить. Никаких «вторых шансов», никаких мужчин, никаких красивых слов. Больше ни один не подойдёт ко мне ближе, чем на вытянутую руку. Так что да, я обеспечу себя по полной. Раз и навсегда.

— Да что ты всё мычишь или молчишь? — раздражённо бросает он, засовывая руки в карманы брюк. На лице усталость, снисходительность и лёгкое раздражение, будто я просто капризничаю. — Инна, где ты там витаешь?

— Нет, я тут. Просто было интересно, Костя, как далеко ты зайдёшь. Надеюсь, знаешь... что у тебя остались хоть крупички совести.

Он усмехается.

— Инн, у тебя от бессонницы что ли такая агрессия прёт? Не успел прийти, а ты вся в претензиях. — Разумов вздыхает, тяжело, театрально, будто я утомила его одной своей персоной. — Пойдём отдыхать тогда, а завтра поговорим. Может, я тебе молока погрею, будешь?

Вот тут у меня что-то обрывается внутри. Где-то в груди, где раньше билось сердце, будто щёлкает выключатель.

— Засунь себе своё молоко знаешь куда?! — рявкаю, не выдерживая.

Голос срывается, но мне уже всё равно. Как будто крышку под давлением сорвало, и поток вырывается наружу, с гулом, с болью, с яростью, которую я столько времени сдерживала.

— Своей шлюхе молоко грей! А со мной не надо как с душевнобольной! Я, Разумов, прозрела, наконец-то! Увидела

твоё альтер-эго — животное, которое живёт внутри тебя. И знаешь что? Я не намерена мириться с твоими изменами.

Он хмурится, делает шаг ко мне.

— Да погоди ты, что ты там выдумала? — голос всё ещё спокоен, но в нём сквозит угроза.

Я встречаю его взгляд прямо, без дрожи, без попытки смягчить.

— Я с тобой развожусь. Можешь не рассказывать мне сказки, как всё вышло «случайно», «один разочек», «на полшишечки».

Он выпрямляется, челюсть напрягается, и я вижу, как в его взгляде вспыхивает злость.

— Развода не будет, — припечатывает он холодно, без тени сомнения.

От этого тона, этого ледяного спокойствия, меня пробирает до костей. Но в то же время где-то глубоко внутри загорается другое, упрямое, стальное, женское. Будет, Разумов.

Глава 4 Константин

Когда говорю все эти слова о том, что Инна для меня самая-самая, я ничуть не вру. Это и в самом деле так. Она — редкое сочетание ума и красоты, будто специально создана, чтобы сбивать мужчин с толку. Её острый ум не раз выручал нас обоих, и в делах, и в разговорах, где нужна тонкость и чувство меры. А уж внешность... На неё оборачиваются даже женщины. Утончённая, хрупкая, с безупречным вкусом, всегда выглядит так, будто сошла со страниц дорогого журнала.

Я до сих пор помню, как впервые увидел её, в синем платье, подчёркивающим тонкую талию и загар. Мне тогда буквально переклинило. В тридцать семь лет я считал, что уже ничто не может выбить из колеи, что страсть и безумие — удел двадцатилетних. Но она... Она выбила почву из-под ног.

Я ведь не планировал жениться. Родители только и делали, что напоминали: «пора остепениться, Костя». Их союз — идеал, к которому я всегда стремился. Сорок пять лет вместе, и они всё ещё держатся за руки, шепчут друг другу что-то на ухо. Это кажется невозможным, но я хотел того же. Хотел, чтобы и у нас с Инной было так — уважение, близость, тёплый дом, запах кофе по утрам и разговоры до ночи.

И, чёрт возьми, ведь всё шло как надо! Мы понимали друг

друга без слов, я чувствовал, что попал в ту самую точку, где хочешь остаться навсегда. Просто не надо было приходить без предупреждения. Я ведь просил! Неужели так сложно было услышать меня?

Раздражение расползается по телу, как яд. Я не люблю, когда из моего сценария выбивают хоть одну строчку. Всё должно быть под контролем. Так спокойнее, так правильно. А сейчас — бардак. Её глаза сверкают, голос дрожит, я чувствую, как между нами тянется тонкая, натянутая до предела нить.

Развод? Смешно. Это даже не обсуждается. Я не позволю. Не только потому, что не могу без неё жить, а потому что не хочу, чтобы кто-то другой к ней прикоснулся. Я знаю каждый изгиб её тела, каждый вздох. Она моя. И я не собираюсь делиться.

Да, может, были женщины. Были — не спорю. Но всё это не имеет значения. Это не про чувства, а чтобы выпустить пар, не сойти с ума, не сорваться. С Инной нельзя грубо, она тонкая, нежная, чувственная. Она требует особого подхода. Ритуала. Это не просто близость, это целая философия. А чтобы оставаться с ней таким, каким она хочет меня видеть, иногда нужно отвлечься. Сбросить напряжение.

А теперь она стоит передо мной, красивая до боли, и смотрит, будто видит впервые. С презрением, с холодом. И это холод не просто в голосе, он между нами, в каждом вдохе.
— Инна, давай поговорим, — прошу, чувствуя, как сердце

начинает стучать чаще. — Я уверен, мы можем всё решить.

— Поздно, Костя, — произносит она глухо. — Я не хочу с тобой говорить. Ты что, думал, можно тайком быть с другими женщинами, и я об этом никогда не узнаю?

Секунду я просто стою, не двигаясь. Потом выдыхаю медленно, сдержанно. Боже, какая же она красивая, даже в гневе. Особенно в гневе. Но сейчас она не моя. И это пугает больше, чем перспектива потерять всё остальное.

Именно так я и думал, но кто же в этом признается? С какой стати объяснять очевидное, если всё можно перевернуть в свою пользу. Да и, если быть честным, я не вижу в этом ничего ужасного. Секс — это просто физиология, снятие напряжения, способ вернуть себе равновесие. Я не сплю с ними, потому что ищу замену Инне. Наоборот, после таких встреч я возвращаюсь к ней будто очищенный. Это не предательство, если в сердце остаётся только она. Настоящая измена — это когда перестаёшь хотеть жену. А я хочу. Ещё как.

Она просто не понимает. Женщины всегда придают эмоциям слишком большой вес. Для неё всё — драма, трагедия, конец света. А для меня — просто срыв, ошибка, не более.

Я думаю быстро, мозг работает чётко, по пунктам. Она видела только то, что было сегодня. Значит, приезжала на концерт. Стояла где-то рядом, наблюдала. Не подошла, не заката сцену. Ушла. А потом, наверняка, сидела в темноте, перебирая в голове каждую деталь, каждое движение, каждый

мой жест. Женщины в такие моменты опасны. Когда остаются один на один с болью, превращаются в бурю. Мне предстоит долго вытаскивать её из этого состояния, убеждать, что между нами всё ещё возможно. Что всё вернуть можно. Главное быть убедительным.

— Никаких других женщин не было, любимая, — выдыхаю, стараясь придать голосу нужную интонацию. — Я готов поклясться чем угодно. Всего один раз, и то...

— Один раз? — перебивает. — Ты хочешь сказать, что вы с Юлей пришли на концерт, за десять минут между вами вспыхнула искра, и вы начали сношаться как кролики? За дуру меня держишь?

Морщусь, как от зубной боли. Проклятье. Похоже, видела всё. Перед глазами всплывает тот момент — вспышки света, грохот музыки, запах духов, Юлины руки... и как я позволил себе то, что давно должен был держать под контролем.

— Ты хоть предохраняешься? Или мне стоит сдать анализы?

— Не нужно, — бросаю, стараясь не поддаться раздражению.

— О, надо же. Так мне тебе теперь спасибо сказать? Что не подцепила от тебя ничего? — в её голосе сарказм и боль, смешанные в одно ядовитое месиво.

— Я не собираюсь с тобой ссориться, — говорю ровно. — Но готов выслушать всё, что ты хочешь мне сказать.

— Мы не ссоримся, — усмехается, и от этого у меня по

спине холодок. — Мы просто выясняем, почему ты так поступил со мной. Хотя... знаешь, это уже неважно. Потому что на этом всё.

Она поворачивается, чтобы уйти, но я не даю.

— Я не отпущу, — шаг вперёд, ещё шаг. Я не кричу, не грублю, просто не даю ей пространства.

Оттесняю к дивану мягко, но настойчиво. Она оступается и падает, волосы рассыпаются по плечам. Глаза горят. Я нависаю, и сердце колотится в груди. Боже, как же я её хочу. Даже сейчас, когда она ненавидит меня, когда готова убить взглядом.

— Не смей, — шипит, подаваясь вперёд, и я чувствую жар её дыхания.

— Ты моя женщина. Ты клялась. Раз и навсегда.

— Лицемер чёртов!

— Я тебе не врал никогда.

— Отойди. Отвали от меня! — толкает меня в грудь с неожиданной силой.

Я делаю шаг назад, потом снова тянусь, не могу, физически не могу её отпустить.

— Инна, ну всё, хватит, угомонись, — хватаю за плечи, прижимаю к себе. — Давай просто успокоимся.

Она не вырывается. Просто смотрит прямо в глаза, спокойно, хладнокровно.

— Я тебя не люблю, Разумов. Понятно тебе?

Всё внутри будто останавливается. Сердце, дыхание, мыс-

ли. Вот это — настоящая боль. Не измена, не сцены, не ревность. Этот приговор.

Мои хорошие,

Книге не хватает немного звездочек до 200. Буду очень рада, если вы поделитесь с ней своими бесценными звездочками ★#★#★#
 Ваша Софа

Дорогие читательницы,
 Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Скандалный развод"

Лера Корсика "Развод. Шах и мат, дорогой"
 https://litnet.com/shrt/f_Qz
 Великий гроссмейстер зазнался, вот только семья -- это не партия в шахматы. Вернуть жену будет непросто.

Глава 5 Инна

Для того, чтобы сказать такое, мне пришлось собрать всю свою силу воли. Каждое слово выдавливала через сжатые зубы, как лекарство, которое горчит, но помогает. Я знаю, куда бить, сделала это специально. Ведь для Кости слова о моей любви всегда были топливом: после них у него горели глаза, он становился другим, способным на подвиги.

Так что да, не хочу, чтобы он думал, что я к нему что-то чувствую. Может, это и жестоко, но это и есть моя цель: сделать больнее. Его самоуверенность обязательно даст трещину, если ударить в самое больное место.

Его лицо сначала застывает, потом становится каменным, безжизненным. Разумов отшатывается и перестаёт меня удерживать. Я добила, чего хотела и почувствовала свободу, как будто вырвалась из клетки. Самое время уйти. Но я упиваюсь эффектом своих слов: вижу, как они разрезают его наживую, как в глазах мелькает растерянность, паника и, на секунду, тень злости. Пусть даже эти слова бьют и по мне самой рикошетом, я готова принять эту цену.

— Я давно хотела это сказать. — Говорю спокойно, стараясь не дрогнуть. — Хорошо, что увидела это своими глазами, и появился повод. Теперь мне не так стыдно признаться, что у меня тоже есть другой мужчина.

Пусть это и наглая ложь, но я всё равно без зазрения со-

вести говорю это.

В комнате нарастает гул: в коридоре тикают часы, где-то в подвешенном кресле едва слышно скрипит канат. Эти бытовые звуки кажутся теперь странно чужими.

— У тебя что?! — Костя рычит так громко, что уши закладывает. Все маски сняты, остался только зверь.

— Я не буду повторять. — Я делаю шаг к двери, плечи напряжены, руки сжаты в кулаки.

— Ты врёшь, Инна. Я не верю ни одному твоему слову.

— Дело твоё. Доказывать что-то тебе не хочу. А сейчас пропусти меня.

Снова тянет уйти. Хочу снять маску, упасть и позволить боли выплеснуться. Но держусь, потому что вижу в его глазах отголоски того, что творится во мне: не любовь, а горькая ярость собственника. Для него боль не от утраты чувства, а от унижения: жена посмела оттолкнуть, не подчиниться. Это бьёт ниже пояса сильнее любого предательства.

Он встаёт в дверном проёме и не сдвигается ни на миллиметр, как стена.

— Кто он? — спрашивает исподлобья, зубы сжаты.

— Чтобы ты его избил? Или придумал ещё что похуже? — отвечаю я, не сводя с него глаз. Хочу понять: он испытывает ревность или только страх потерять контроль?

— Скажи сама. Сейчас. Обещаю, что не трону.

Обещания Кости давно ничего не стоят. Я слышала их тысячу раз в других ситуациях: «Обещаю», «Никогда», «Это

последний раз». Все они — пустой звук.

— Твои обещания ничего не стоят. — Сухо, и, кажется, это попадает ему в солнечное сплетение. Он на долю секунды бледнеет.

— Не делай из меня мудака. Один проступок, и ты размазываешь меня по стене словами, Инна. — Его голос хрипнет.

Если бы могла, с радостью сделала бы это физически, избила, разнесла б его, выплеснула бы всю эту адреналиновую боль наружу. Может, стало бы легче.

— Пропусти, — пытаюсь обойти его стороной.

Он делает шаг в сторону, и я врезаюсь в его твёрдое тело. Пользуясь моментом, он обхватывает меня за плечи и удерживает так близко, что я снова оказываюсь абсолютно беззащитной перед его энергетикой.

В считанные секунды оказываюсь прижата спиной к двери. Запах его туалетной воды, сладковато-резкий, забивается в нос, и меня снова мутит.

Он смотрит мне в глаза, и в этом взгляде больше не видно сомнения, только вызов:

— Мне плевать, даже если это правда. — Шепчет он безумным голосом.

Я держусь за дверную ручку, пальцы белые от напряжения. Ещё вчера он был смыслом моей жизни, а сейчас держит меня как добычу. Сердце бьётся как молот, но в груди тлеет новое, холодное чувство: решимость. Не покориться. Не просить. Забрать своё.

— Не отпускаю тебя, Инна. Ты плохо меня знаешь, если думаешь, что наврав с три короба, отпугнёшь.

— Не веришь? Думаешь, я святая? — фыркаю, не выдержав накала эмоций.

— Думаю, ты бы до такого не опустилась. Ты целиком и полностью моя, до кончиков волос и пальцев. Кусаешься, потому что обидел. Но это ничего, всё забудется. Я помогу, — накрывает рот своими губами и ввинчивается языком.

Его поцелуй — не про нежность. Это нападение, наказание. Варварски имеет мой рот, стирая границы, впечатывая в стену. Пахнет горечью виски, его кожей. Я чувствую, как внутри всё сжимается от отвращения и боли, но тело будто не слушается. Мычу, вырываюсь, бью кулаками по его груди — бесполезно.

В какой-то момент во мне что-то щёлкает. Больше не страх — ярость. Делаю то единственное, что могу. Кусаю его язык, сильно, сжимая челюсть, чувствуя солоноватый привкус крови. Костя отшатывается, выдыхая сквозь зубы:

— Чёртова стерва...

Этого достаточно. Хватка ослабевает, я вырываюсь и, не разбирая дороги, бросаюсь прочь. Бегу босиком, ступни скользят по холодному полу, сердце колотится где-то в горле. В прихожей на тумбочке цепляю ключи от машины.

— Стой! — раздаётся за спиной, но я даже не оборачиваюсь.

Захлопываю дверь прямо у него под носом, с силой. Се-

кунда, и я уже на улице. Воздух холодный, ночной, кусает кожу, но мне всё равно. Бросаюсь к машине, руки дрожат так, что ключ еле попадает в замок зажигания.

Костя выбегает следом, успевает хлопнуть ладонью по капоту, орёт что-то, но я давлю на газ. Гравий летит из-под колёс, ударяет его по ногам.

Только когда выезжаю на трассу, осознаю, что вся дрожу, зуб на зуб не попадает. Руки не слушаются, руль ходит ходуном. В зеркале вижу белое, перекошенное лицо, заплаканные глаза.

Куда ехать? Домой нельзя. Родители сразу всё поймут. Мама расплачется, отец поедет искать Костю, а я не выдержу ещё одной сцены. Не хочу, чтобы меня жалели.

Так что — в офис. Там тихо. Там можно спрятаться.

Охранники, увидев меня, переглядываются, но, как по команде, молчат. Только короткое «доброй ночи» и отведённые взгляды.

Я захожу в кабинет, закрываю за собой дверь и наконец выдыхаю. Из шкафа достаю старый плед, тот самый, что оставила когда-то на всякий случай. Падаю на диван. Укутываюсь, но холод идёт изнутри.

Пытаюсь выровнять дыхание, заставить себя не думать. На часах три ночи. Веки тяжелеют, но сон не идёт.

Может, подать заявление пока? Нет. Завтра. Сейчас надо поспать.

Не знаю, когда проваливаюсь в сон. Просыпаюсь от резко-

го голоса, громкого и уверенного, он вырывает меня из кошмара:

— Инна, что ты тут делаешь на диване? Не понял.

Я подскакиваю, машинально приглаживаю волосы. Передо мной — отец. В костюме, с папкой под мышкой, нахмуренный, растерянный. А я — в мятом платье, с опухшими глазами и босиком.

И на секунду мне кажется, что я снова маленькая девочка, которую застали за чем-то запретным.

Дорогие читательницы,
Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Скандалный развод"

Марта Левина "Развод. Игра только начинается!"
<https://litnet.com/shrt/JTo9>

Собираюсь сообщить мужу о беременности. Но он опережает меня, заявляя, что влюблен в другую. И теперь ему нужен развод! Так начинается жестокая игра в жизнь за счастливое будущее...

Глава 6 Инна

Соврать папе можно, но что толку? Он быстро меня раскусит. У него это особый талант, видеть, когда я вру.

— Поругались, я решила поспать здесь.

— Что твой Разумов натворил? — папа хмурится. Становится серьёзным, как на совещании. Ни одного лишнего жеста, взгляд цепкий, тяжёлый.

— Мы с ним сами решим всё, пап, — отвожу глаза, делая вид, что ищу что-то в сумке.

— Да решайте, кто ж вам не даёт. Только ты раньше никогда не сбегала в офис.

Это правда. Раньше с нами и не происходило того, что сейчас. Максимум споры, недопонимания, мелкие обиды. Мы ссорились, мирились, не ложились спать, пока не поговорим. Тогда мне казалось, что это и есть норма, что любовь — это когда можно ругаться, но всегда возвращаться друг к другу. А теперь возвращаться не хочется.

— Я не буду жаловаться. Это не та ситуация, — тихо говорю, глядя в пол.

— Откуда столько таинственности? — папа прищуривается. — Защищаешь, что ли, Костю? Боишься, я ему оторву что-то ненужное? — усмехается, но в его голосе слышно напряжение.

— И это тоже. Слушай, ничего, если я пропущу летучку?

Ребята тебе всё расскажут сами.

— Ладно, — нехотя соглашается. — Точно моя помощь не нужна?

— Точно, — качаю головой.

Он ещё секунду стоит, изучает меня своим внимательным, почти рентгеновским взглядом. Я чувствую, как под этим взглядом будто растворяюсь, он видит всё: покрасневшие глаза, дрожащие пальцы, сжатую челюсть. Но, к счастью, ничего больше не спрашивает.

— Отдохни тогда, — коротко говорит и уходит, плотно прикрывая за собой дверь.

Я сразу же бросаюсь к шкафу. Снимаю помятую одежду, надеваю что-то более нейтральное: серую блузку и брюки. Перед зеркалом долго рассматриваю отражение. Видок тот ещё, волосы растрёпаны, под глазами синяки, кожа бледная, губы пересохли.

Пряди приглаживаю ладонью, собираю в низкий хвост. Косметики с собой нет, даже туши. Ну и ладно.

Прохожу в кабинет к своей команде. Девчонки уже на местах: Мила что-то печатает, Даша с кружкой кофе роется в сумке. На фоне гулкого офиса их лёгкий утренний говор кажется почти домашним.

— Мне нужна ваша помощь, — говорю, подходя ближе. — Поможете привести лицо в порядок?

— Да, сейчас, — Даша сразу тянется к сумочке, вытаскивает косметичку размером с половину чемодана.

— Инн, по тебе будто трактор проехал, — поднимает глаза Мила, — что-то случилось?

— Да. Но без подробностей, — отрезаю, стараясь улыбнуться, но выходит криво.

Они переглядываются, но не лезут с вопросами. За это я их и ценю. Хоть и болтаем иногда между делом, но мы не подруги, скорее коллеги с привилегиями.

Я всегда старалась быть руководителем, которому доверяют, но не переходят границы. Дружелюбной, но не «своей». Это удобно и для них, и для меня.

Тем более поначалу ко мне относились с осторожностью. «Папина дочка, пришла по блату, ничего не умеет, а туда же» — эти кулуарные шепотки я прекрасно помню. Тогда хотелось доказывать всем и сразу, что я не просто фамилия в приказе о приёме на работу.

Да, без отца я бы шла к этой должности дольше. Но глупо отказываться от возможностей, если ты можешь их оправдать. У меня есть образование, стажировка за границей, опыт, которого у многих нет. И теперь даже те, кто поначалу ворчал, слушают внимательно, когда я говорю.

Но одно правило я усвоила сразу — не делиться личным. Ни намёков, ни откровений. Дистанция всё же должна быть.

— Садись сюда, — Даша машет рукой и указывает на стул у окна. Утренний свет льётся мягкой полосой, она приподнимает жалюзи, чтобы света было ровно столько, сколько нужно для хорошего тона кожи. — Сейчас сделаем из тебя кра-

сотку.

Она действует быстро и без суеты. Сначала консилер, точечными движениями, чтобы скрыть синяки под глазами, потом тональник, лёгкими похлопывающими движениями, чтобы не оставалось эффекта маски; чуть румян на щёки, чуть хайлайтера на скулы.

Даша комментирует по ходу, подбадривает. Этого всего мне действительно не хватало: человеческого такта и простого женского участия.

Колдует она надо мной минут двадцать, тщательно вырисовывает брови, подкручивает ресницы, а в конце — лёгкий нюдовый блеск на губы.

— Спасибо, Даш, — говорю я искренне.

— Да ну, мелочи, — отмахивается она. — Я люблю делать макияж. Может, ещё чем помочь?

— Разве что не распространяться, что видели меня в таком виде.

— Само собой, — улыбается Даша, и в её улыбке нет ни малейшего осуждения.

Я встаю, поправляю блузку, привлекаю внимание остальных, акцентируя голосом — ровным и деловым:

— Сегодня меня на летучке не будет. Расскажите всё сами. Марк, ты за главного.

Марк кивает серьёзно, берёт на себя повестку дня, и по кабинету разлетаются рабочие вопросы — цифры, сроки, отчёты. Я собираю вещи: ноутбук, папку с документами, сум-

ку.

Выйдя на крыльцо офисного здания, вдыхаю прохладный воздух. Город ещё сонный, редкие прохожие спешат по делам. У меня не было особых планов, хотелось просто отвлечься и дать себе время подумать, привести мысли в порядок. Но чем дольше я сидела перед Дашей, тем яснее понимала: терять ни минуты нельзя. Пока я медлю, кто знает, что придёт в голову Косте?

Его слова о том, что развода не будет, звучат в голове отчётливо. Что он имеет в виду, запретит мне подать документы? Закроет меня дома? Запугает? Примирение кажется невозможным: я уже не та, что раньше, и он не тот, кем я его считала. Мне нужен адвокат по бракоразводным делам, хороший, опытный, который знает, как действовать в ситуациях, когда муж пытается пользоваться своими ресурсами и положением. Нужно срочно составлять список, звонить, узнавать рейтинги, встречаться.

Спускаюсь по ступенькам на тротуар и, не торопясь, поворачиваю за угол, где буквально натыкаюсь на женщину, стоящую у стеклянных дверей, которая смотрит куда-то в сторону.

— Ой! Я вас не заметила, — начинает она, но тут же замолкает. — Я вас как раз искала.

— А вы кто?

Женщина передо мной действительно незнакомая, по крайней мере мне так кажется, пока взгляд не скользит ни-

же, к её обуви.

И только когда я останавливаюсь, оцениваю силуэт, всё становится на свои места. Туфли: те самые ярко-красные шпильки.

Это Юлия Новикова.

Её лицо сначала выражает вежливую растерянность, затем легкий интерес. Запах её парфюма, сладковато-цветочный, накатывает волной, и в этот запах вплетаются все те образы, которые я пыталась выбросить из головы. Юлия смотрит на меня спокойно, держа дистанцию, как человек, который привык к вниманию. В её позе нет вины, только уверенность.

Дорогие читательницы,
 Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Скандалный развод"

Алайя Раш "Скандалный развод. Схватка олигархов"
 <https://litnet.com/shrt/EbFn>

Развод стал началом войны: два олигарха и одна женщина, превратившаяся в ставку в их коварной игре.

Глава 7 Инна

Честно говоря, понятия не имею, о чём с ней говорить. Обсуждать Костю я с ней не хочу. Это уже слишком. Дно, которого я не собираюсь касаться.

Она точно знала, на что соглашалась. Он никогда не скрывал, что женат. О нашей свадьбе писали многие — «непокоримый холостяк женился», «Разумов наконец-то остепенился» и прочие кликбейтные заголовки. Да и кольцо он носил, не пряча. Гордился ли? Или просто аксессуар?

Я вдруг чувствую острый укол в сердце. Что, если он трахал женщин прямо с кольцом на пальце? Цинично настолько, что на глазах слёзы выступают против моей воли. Или снимал его? Будто это что-то меняло.

Юля делает шаг ко мне.

— Меня зовут Юля. Я эйчар в компании твоего мужа.

— Мы, кажется, не переходили на «ты»? — поднимаю бровь.

Она усмехается, самодовольно, дерзко.

— Ты, может, и нет, а я — да. Особенно после того, как Разумов меня сегодня пинком под зад уволил.

Глаза у неё вспыхивают злобой.

— Наверное, было за что, — пожимаю плечами, будто говорю о погоде. — И какое отношение ко мне это имеет?

Юля хмыкает, скользя взглядом по моему лицу, волосам,

одежде, нагло, как будто оценивает товар на витрине.

— Знаешь, а ты красивая. Думала, фотки с тобой фотошопят, если честно. — Она прикусывает губу. — Но такая сука...

— Юля, если вы пришли сцедить яд, то не по адресу, — говорю спокойно. — Обратитесь к психотерапевту, могу дать контакт. Вам поможет. Научитесь контролировать эмоции.

— Ты охренела, что ли, больной меня выставять?! — взвизгивает истерично.

Я моргаю, удерживая равновесие внутри. Чем больше смотрю на неё, тем сильнее удивление: что он в ней увидел? Искусственная красота, как глянец дешёвого журнала. Поведение — на уровне базара. Истеричность зашкаливает.

Думала, что ухватила его за горло? Что забрала себе? Навивно. Очень. Разумов — не тот, кого можно удержать, если он того не хочет. Мужчины вроде него — охотники, они сами выбирают жертву, и уходят, когда игрушка надоедает или начинает стелиться у ног.

— Дружеский совет, — говорю ровно, как будто действительно хочу ей добра. — Если хочешь себе богатого мужчину — соответствуй. От тебя разит плохим воспитанием.

Юлю аж передёргивает. Зрачки расширяются, челюсть сжимается, как будто она готова броситься.

— Ненавижу! — шипит она, и это уже не просто злость, это отчаянная истерика. — Лишила меня всего! Тебе жалко было поделиться членом? Тебя ему мало, да? Значит, в по-

стели ты никакая! Бревно! Как тебе моя правда, м? Нашлась, тоже мне... — её дыхание сбивается. — Не такая ты идеальная, выходит?

Её слова хлещут, как плети, прямо по нервам. И она падает. Туда, где и так зияет дыра.

Потому что я думала об этом. Каждую секунду. Почему? Что со мной не так? Что я не дала?

Стыдно признавать, но эти вопросы жгут душу. Но вместе с этим приходит и странное спокойствие.

— Закончили? — спрашиваю тихо. — Если да, можете идти. У вас, кажется, новый свободный график.

Юля делает шаг ко мне, будто хочет что-то бросить ещё, но замирает — в моих глазах она видит что-то, что не ожидала. Не слёзы. Пустоту.

Её злость — как фейерверк, яркая, быстрая, дешевле не бывает. А моя — как тлеющий уголь. Горит дольше. Глубже.

Она отступает на шаг, всё ещё кипя, но уже не такая уверенная в себе.

Оказывается, быть партнёром, подругой, любимой, любовницей — недостаточно. Хоть ты тресни. Хоть бейся лбом об стену, доказывая свою ценность. Будь ты сто раз образованной, нескучной, с чувством юмора, затейливой в постели, готовой поддержать, вдохновить, обнять, когда у него тяжёлый день. Всё это — пшик, дым, ничто. Никакой твой талант, никакая забота не удержит мужчину рядом, если он не хочет этого.

Может, Разумов просто не в состоянии держать себя в руках, когда возле него появляется красивая женщина? Бывают же такие Казановы.

— Чего я могла тебя лишить? — я даже улыбаюсь, хотя внутри всё разъедает саркастичная злость. — Ты серьёзно так зависишь от чужого мужчины?

— Работы, денег, перспектив! — Щёки у неё вспыхивают пятнами. — Хорошо тебе рассуждать, когда у тебя богатый папаша, который с детства тебе всё на блюдечке приносит. Попробовала бы пробиваться с самого дна. Думаешь, когда я пойду искать работу, они не станут спрашивать, за что меня уволили?

Какая же избитая пластинка — «богатый папаша». Как удобно свести чужие усилия к фамилии.

— Так Разумов тебя по статье уволил?

Неожиданно. Интересно, с чего это он вдруг на эту Юлю так взъелся? Вряд ли она его, бедненького, принуждала к сексу. Смешно даже представить такое.

— Бинго! — выплёвывает она. — Поэтому я по-хорошему тебя прошу: поговори с ним. Пусть вернёт мне работу.

— Или...

Она смотрит исподлобья, губы поджаты, будто сейчас проклянёт.

— Лучше тебе не знать, что будет в противном случае.

— Хотелось бы конкретики. Пустые слова не очень впечатляют. — Я даже не повышаю тон. Зачем? Эта истеричка

сама себя загонит в угол.

— Я твоего Костю и тебя в том числе так ослаблю на всю страну, что ты даже в самом богом забытом городишке не найдёшь человека, который бы в тебя не тыкал пальцем.

О, классика жанра — угрозы репутацией.

— Очень страшно. Видишь, у меня колени дрожат.

— Овца тупая, не поняла ещё, что тебя ждёт?!

Одни оскорбления и угрозы. Великолепная переговорщица, нечего сказать. Кто же так просит помощь? У меня возникает желание развернуться и уйти. Я не хочу ей помогать. И уж точно не хочу снова говорить с Костей. Чем меньше контактов, тем лучше.

Юля, кажется, понимает, что я не впечатлена её спектаклем, и делает ещё один заход, последний, отчаянный:

— Это только с тобой он на цыпочках ходил. А меня драл так, что неделю потом ходить не могла. — Она сквозь зубы выдыхает. — Думаешь, если ты от него уйти захочешь, он тебя жалеть будет? Вот тогда-то ты, принцесска, и узнаешь, кто такой твой Разумов на самом деле.

Меня обдаёт холодом.

— Если хочешь невредимой выбраться, советую тебе помочь мне. А я помогу тебе.

Дорогие читательницы,
Хочу познакомить вас с но-

винкой литмоба "Скандалный развод"

Агата Невская "Развод. Не его жена"
 <https://litnet.com/shrt/UxRj>

15 лет вместе. 15 секунд, чтобы разрушить всё. Одна ложь. Одна семья. Ноль шансов на оправдание.

Глава 8 Константин

Когда я прямо сказал Новиковой, что во «Фрешмаркете» она больше не будет работать, не ожидал такой реакции, ду-мал, будет плакать, просить, метаться. А она словно с цепи сорвалась.

— Какой же ты мудак, а. Костя, я тебе таких сотрудников нахожу, которые у тебя годами работают, текучка кадров минимальная. И ты готов всё это потерять, только чтобы перед женой белым и пушистым остаться? — она делает шаг вперёд, кладёт ладони на стол передо мной.

Я стою за столом, опираюсь ладонями о полированную древесину. Холодно, деловито отвечаю:

— Дело не в жене. Ты переоцениваешь свою роль в компании, Юль. Хороших эйчаров много, ты не уникальна.

Она фыркает, губы сжимает в тонкую ниточку.

— Что ж тогда ты до меня этих самых не уникальных специалистов пачками менял?

— Слушай, этот разговор ни о чём. Решение я уже принял. Ты сейчас тратишь своё и моё время, — говорю я ровно. Мне не хочется ломать ей судьбу, но и лицемерить — тоже. Ситуация требует жёсткости.

— Значит, вот так?

Не хочу провоцировать очередной виток бессмысленного скандала. Да, может, я жестоко поступаю. Но правила игры

другие: я не заставлял её спать со мной. Всё было по взаимному согласию. И если она теперь делает вид жертвы, это её выбор и её репутация — не моя забота. Но и доброты лишать не собираюсь: планирую помочь, разослать пару резюме знакомым в смежные компании, пристроить, учитывая её опыт. Если только она не соберётся дальше «скакать по членам боссов». Тогда я умою руки.

— Костя, я не хотела тебе этого говорить, — начинает она с запинкой, будто подбирает слова, — но ты вынуждаешь меня. Если ты меня уволишь, я пойду к твоей жене и выложу ей всё в таком свете, что ты пожалеешь о своём решении.

— Ты что, угрожать мне вздумала? — не выдерживаю и резко встаю, шагаю к ней. — Я тебе, дура, помочь хочу, а ты сама себе могилу роешь. Видимо, переоценил твои умственные способности.

У неё покраснели щеки, но тут же вновь нападает:

— Я предупреждаю. Не выйдет выбросить меня как котёнка. Лучше со мной не связываться. Я молчать не буду.

Я слышу её слова и отчаяние, и какую-то глупую, болезненную гордость.

— Тогда выкладывай всё, не стесняйся. Что ты там ещё собралась сделать? Шантажировать, так до конца.

Сарказм в моём голосе звучит так неприкрыто, что при желании услышать его не составит труда. Но Юля слушает только себя. Я могу понять, что ей страшно за своё будущее. Но опять же, я планировал ей помочь. Хотя сейчас задумы-

ваюсь, стоит ли?

Юля рычит, словно та, у которой отобрали последнюю надежду:

— Всем расскажу, что ты долбаный извращенец. Жене в первую очередь. Она на тебя не в любовь смотреть будет, а со страхом и отвращением. Уж точно к тебе не вернётся. И это только начало. С тобой ни одна связываться не захочет. Будешь до старости лысого гонять в душе. Хочешь себе такое будущее?

Она плюётся словами, и в каждом попытка найти мою уязвимость. Но мне просто смешно от этой наивности:

— Юля, снимай розовые очки. Ты кем себя возомнила? Немезидой? Кому нужны твои жёлтые сплетни? Думаешь, все спят и мечтают узнать обо мне что-то? Да всем плевать. Ты живёшь в мире, где каждому есть дело только до своей собственной шкуры и жизни.

— Это мы проверим, Разумов. Запугать меня не выйдет.

— Так, заканчиваем это, — говорю я и вновь беру контроль: — У меня куча дел. Иди в отдел кадров и получи свою трудовую и расчёт. Всё оформим по закону.

На её лице мелькает паника. Она ещё что-то шипит, но я качаю головой: разговор окончен.

Когда дверь за ней закрывается, в кабинете снова становится тихо. Я возвращаюсь к бумагам, но где-то в глубине остаётся мысль: могу ли я действительно быть настолько беспоощаен, как требует ситуация?

Вызываю сотрудницу отдела кадров.

— Уволить по статье. Сегодня. — Протягиваю ей папку.

— Не по собственному.

Она вскидывает брови, но вопросов не задаёт. У нас здесь не принято спорить со мной.

Юля сама выбрала войну, могла уйти спокойно, сохранить и лицо, и рекомендации. Но нет, решила устроить шоу. Что ж, получила то, что получила.

— И передайте охране: ко мне её не пускать. Ни сегодня, ни завтра. Вообще. — Я делаю паузу, пока девушка записывает распоряжение.

Когда дверь за кадровичкой закрывается, позволяю себе короткий выдох. И выкидываю всё лишнее из головы. Слишком много работы. Мне нужно сдать отчёты, финализировать бюджет, провести ещё две встречи.

А вечером... вечером я собираюсь поговорить с Инной. По-человечески, спокойно. Найти точки соприкосновения. Она умная, гордая, ей тоже нужно время. Но мы сможем договориться. Я уверен.

Я не собираюсь себя казнить за один косяк, умею исправлять ошибки.

Из офиса выбираюсь только к восьми. Пробок практически нет. Радио бормочет что-то спокойное, почти пустые улицы настраивают на правильный лад.

До посёлка долетаю быстро. Наш дом встречает меня полной тишиной. И пустотой.

Инны нет. Наверное, позже придет.

Я раздеваюсь, закатываю рукава рубашки и иду на кухню. Слишком голоден, чтобы ждать. Да и ей будет приятно, если стол будет накрыт.

Готовлю стейк и овощи на гриле, добавляю немного розмарина. Запах от всего этого идёт просто умопомрачительный. Достаяю из погреба бутылку хорошего красного.

Накрываю стол: два бокала, две тарелки. Жду.

Когда телефон вибрирует, первым делом думаю, что это Инна. Но нет. Зачем-то звонит Кириянов, знакомый адвокат. Обычно не звонит просто так.

— Да.

— Костя, я долго думал, стоит ли тебе сообщать, но решил, да, должен.

Я напрягаюсь.

— О чём? На «Фрешмаркет» кто-то подаёт в суд?

— Хуже, — короткая пауза. — Твоя жена выбирает себе адвоката по разводам.

Замираю с бокалом в руке. Понимаю: контроль — это иллюзия. И время утекает быстрее, чем я думал.

Дорогие читательницы,
Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Скандалный развод"

Наталья Ван "Развод. От правды не сбежать"
 <https://>

Двадцать лет брака. Две дочери. Совместная жизнь, построенная по кирпичикам.
 И всё это время у него была другая семья.
 О которой я узнала из новостей.

Глава 9 Инна

К концу дня я такая уставшая, что еле держусь на ногах. Будто меня всю выжали, отжали и ещё скрутили для надёжности. Поиски адвоката — тот ещё квест.

Во-первых, суммы. Не просто высокие — космические. Некоторые озвучивали такие расценки, словно собираются не защищать меня, а лично в одиночку переписать семейный кодекс и вынести приговор Косте на Красной площади. Ну совесть где? У меня чувство, что они видят перед собой не человека, а ходячий кошелёк с моей фамилией на наклейке.

Во-вторых, компетентность. Некоторые так лихо размахивали терминами, что я подозреваю — половину из них они сами не понимали. Главное — уверенный тон, и вперёд. Но нет, спасибо. Моей судьбой играют не в шарады.

И вот ещё загадка века: как все эти невероятно занятые, расписанные на полгода вперёд адвокаты нашли время встретиться со мной в тот же день, когда я позвонила? Что, клиентов у них нет? Или фамилия Разумова — как VIP-карточка: «очередь? не слышали». И вроде приятно, но одновременно мерзковато.

В итоге голова кругом, список есть, решения нет, а время, как назло, ускорилося и поджигает. Завтра может быть уже поздно.

Придётся сидеть вечером и разбирать этих юридических

гениев вручную, решая, кому доверить самое личное, самое болезненное. Иронично, конечно: добровольно отказаться никто не захотел. Все такие уверенные в себе.

В отеле первым делом заказываю еду, желудок напоминает, что он, вообще-то, существует и не собирается умирать вместе с нервами. А сама направляюсь в ванную. Роскошь. Да, я её заслужила.

Открываю кран, вода шумит, пар клубится. Сыплю в воду соль с запахом апельсина. Ныряю в воду, вытягиваюсь и просто растворяюсь. Стон вырывается сам, слишком уж хорошо. Мышцы говорят спасибо, а я впервые за сутки ощущаю своё тело не как механизм на последних процентах батареи, а как живое.

Закрываю глаза, и всё. Проваливаюсь. Не знаю, минут на десять или полчаса, но звонок в дверь вырывает меня обратно в реальность. Сердце подпрыгивает, я тарашусь на воду, будто не понимаю, где нахожусь. Потом вскакиваю, хватаю полотенце, наскоро обматываюсь и бегу открывать обслуживание номеров.

Ставлю поднос, иду к ноутбуку. Открываю, стряхиваю капли с пальцев, откидываю волосы назад.

На экране — список фамилий, заметки, звёздочки, минусы, пару сердитых комментариев капсом типа «НЕТ» и «СМЕШНО».

Делаю вдох, втыкаю вилку в кусочек сочной говядины и отправляю в рот. И жую, одновременно разбирая слова, ан-

кеты, отзывы, условия.

Война войной, а ужин — строго по расписанию.

Когда на телефоне высвечивается Костя, сначала думаю вообще не брать трубку. Секунда нерешительности, и всё-таки провожу пальцем по экрану. Любопытство — та ещё зараза.

— Инна, ты что творишь?

Давлюсь мясом и кашляю прямо в трубку. Отличное начало, браво. Вода из стакана проливается на колено, дернулась резко.

— Прости, подавилась, — сиплю, пытаюсь прийти в себя.

— Какого хрена я узнаю о том, что ты ищешь адвоката?

Брови сами взлетают вверх. Вот так, без привет, сразу к обвинениям. Классика.

— Подскажи, кто тебе об этом сказал? — спрашиваю максимально спокойно. Холодно даже.

Планирую вычеркнуть этого человека из списка сразу.

— Это неважно. Важно то, что ты не обсудила со мной ничего.

— А что обсуждать? По-моему, всё очевидно.

— Издеваешься? Я ведь сразу сказал, чтобы ты не рассчитывала на развод, — рычит. Прямо слышу, как у него челюсть сжалась так, что зубы скрипят.

— Мало ли что ты сказал. У нас разводят и при отсутствии желания с одной из сторон. И ты прекрасно это знаешь.

Короткая пауза. Похоже, ищет аргументы. Зря, их нет.

— Не вынуждай меня действовать жёстко.

Ох, пошло-поехало.

— Ты себя вообще слышишь, Костя? Мы не в каменном веке, а я не твоя собственность. И как свободный человек, я тебе со всей ответственностью заявляю, что твоей женой я больше не хочу быть.

— Это мы ещё посмотрим, — упрямо тянет.

С ним говоришь — будто с бетонной стеной.

Я зажмуриваюсь на секунду, выдыхаю. Если так будет дальше, я реально сорвусь.

— Ну смотри, если хочешь. Я свою позицию высказала. И перестань мне звонить так поздно. Я по вечерам хочу отдыхать.

— Где ты сейчас?

— Какая разница?

— Говори. Или я узнаю сам.

Вот теперь реально становится противно. Тон, уверенность, будто я обязана ему докладывать. Как раньше. Дрожь пробегает по спине.

— Ты обалдел? Я не хочу тебя видеть.

— Зато я тебя очень хочу.

Последнее слово он намеренно подчёркивает интонацией. Сладко-тягуче. Брр.

После того, как его член побывал в этой... Я сжимаю зубы так, что аж челюсть сводит. Нет. Никогда. Отвращение до тошноты, брезгую.

— Засунь себе своё “хочу” знаешь куда...

— Что-то ты слишком дерзкая стала, Инна. Прорезались зубки?

— Появилась резкая непереносимость брехунов, — бросаю тихо. Такое спокойствие бывает, когда эмоции прошли точку кипения.

На секунду в трубке тишина. Слышу только жужжание кондиционера и своё учащённое дыхание.

— Жди, скоро буду.

Я смотрю на экран — вызов завершён. Сердце стучит быстро, мышцы плеч напряжены. Секунда, и я вскакиваю. Паника? Нет. Бешенство? Да. Но под ним — холодное понимание: этот человек не понимает слова “нет”.

Я смотрю на дверь номера. Проверяю замок. Ещё раз. И цепочку. Да, вот так сейчас и живём: ванна, апельсиновая соль, дорогой отель... и запертая дверь, потому что в твою жизнь лезет человек, который считает тебя своей собственностью.

И знаете что? Пускай. Я готова к войне.

Дорогие читательницы,
Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Скандалный развод"

Ирина Биларди, Марина Вуд "Развод с продолжением"
<https://litnet.com/shrt/U7BF>

Глава 10 Константин

Такого бешенства я не чувствовал очень давно. Настолько, что уже почти поверил, что повзрослел, остепенился, вышел из того возраста, когда красная пелена застилает глаза, а в висках стучит. Ага. Как же. Стоило лишь оказаться на грани потери всего, что считал неизменным, и здравствуй, старая добрая ярость.

Инна подаёт на развод. Это звучит абсурдно. Неправдоподобно. Как будто кто-то решил пошутить и перепутал сценарии наших жизней. Но нет, всё реально. И если я допущу, что она уйдёт...

Нет. Этого просто не должно произойти.

Причин много. Чёртово множество. И некоторые из них к любви не имеют никакого отношения. Но есть одна, самая весомая, и она требует действий прямо сейчас. Прежде чем я поеду вытаскивать Инну из её убежища и выбивать из головы все эти глупости, я обязан разобраться с дедовым ультиматумом.

Телефон вибрирует — дед. Естественно.

— Жду тебя у себя прямо сейчас, Костя. Мне плевать, чем ты там занят.

Даже интонация безупречно властная, как всегда. Жаль, что сегодня у меня на это нет ни сил, ни терпения.

— Это может подождать, — говорю ровно, намеренно не

повышая тон. Я не мальчик.

— Я. Сказал. Сейчас!

Вот и всё. С этим человеком не торгуются.

Меня снова обволакивает злость, но она уже иная, тяжёлая, ледяная. Собираюсь. Выхожу. Дорога уходит под колёса, а мысли бегут вперёд.

Фрешмаркет. Да, он формально мой. Во всех презентациях, публикациях, рейтингах написано именно так. Но фактически я всего лишь управляющий, солдат на генеральской должности, пока генерал не решит передать погоны. Дед всё ещё держит ключи от бизнеса. И если он решит, что я не достоин, он их заберёт назад.

Семейный бизнес. Красиво звучит, пока не понимаешь, что семья — это ещё и политика, и долги, и традиции, которые ты обязан соблюдать.

У ворот загородного дома Петра Разумова меня уже ждут. Охрана кивает.

Дед в спортзале. Он всегда там вечером: беговая дорожка, гантели, кроссовки, которые стоят дороже, чем машина среднего менеджера. В восемьдесят лет он выглядит так, будто ещё пятьдесят проживёт, и всё это время будет командовать.

Бабушка гоняла его по врачам, следила, кормила, выстраивала режим. И он слушался. Потому что он такой, несмотря на железный характер, способен любить так, что горы свернёт.

— О, приехал, — дед останавливает дорожку. Глощает воду жадными глотками из большой бутылки. — Попей пока чай с бабушкой, я в душ. Потом поговорим.

Прохожу на кухню. Бабушка уже тут, как будто знала, что мне нужно что-то горячее и простое. Крепкий чёрный чай, сахар в керамической сахарнице, тепло, запах ванили, она снова пекла.

— Костя, ты уж прости Петю. Я слышала, что ты чем-то занят был, — тихо говорит.

— Ты что-то знаешь? — спрашиваю, снимая пиджак. — С чего он сорвал меня вечером?

— Подробностей не знаю, — качает головой. — Но он был очень злой. Ты уж постарайся... не накалять. Ты ешь, ешь, — пододвигает тарелку, — я специально напекла.

Я беру печенье. Оно ещё тёплое. Хрустит. На секунду будто возвращаюсь в детство, когда всё было проще. Когда семья была про уют, а не про власть и контроль.

— Опять у плиты стояла? Ты же знаешь, чем меньше выпечки, тем меньше мне потом в зале страдать.

— Кому мне ещё печь? — улыбается. — Ты единственный внук. А Петя — он дисциплинированный, ему нельзя.

Беру печенье и запиваю ароматным чаем, украдкой поглядывая на бабушку. Она у меня самая настоящая красавица, всегда была поддержкой и опорой деда. Хоть и рано родила моего отца, в семнадцать, смогла и образование получить, и многого добиться. История у них непростая была. Её отец,

когда узнал, что она в подоле принесла, выгнал из дома. Дед тогда не был богат, но её к себе забрал, ребёнка родили. Всё выдержали. В общем, образцовая семья. Не то что мы с Инной.

Я пью чай. Горячий. И в этот момент дед появляется в дверях.

— Ну всё, хватит чаёвничать. Забираю Костю у тебя.

Бабушка поднимается, целует его в щёку, он притягивает её к себе, как будто не шестьдесят лет вместе, а первый месяц после свадьбы.

Я смотрю на них и чувствую неприятное жжение внутри. Вот оно — идеальное семейное наследие, стандарт, планка. И я, который должен соответствовать. Должен сохранить. Должен...

А у меня жена, которая хочет уйти.

И если я потеряю Инну, дед не простит. Не потому что любит её. А потому что мужчина Разумов не должен выглядеть слабым. Не должен позволить женщинам уходить. Не должен терпеть поражения.

Когда дверь за нами закрывается, всё благодушие деда испаряется, будто его и не было. Спина у него выпрямляется, взгляд тяжелеет.

— Ты мне скажи, Костя, что ты творишь? — дед хмур, пальцы постукивают по подлокотнику старого кресла. Нервничает. Не скрывает.

— Можно поконкретнее. Во Фрешмаркет полный поря-

док, — пытаюсь удержать спокойствие, хотя внутри уже холодком ползёт предчувствие.

— А я сейчас не о том, — дед машет рукой. — Ко мне девка твоя заявила, шаболда та ещё. Как только смелости хватило, не постеснялась ведь...

Это просто за гранью. Мало того что она меня пыталась шантажировать, так Юля ещё выше пошла, к деду. Боюсь представить, как она перед ним всё обставила.

— Юля больше у нас не работает, этот вопрос я решил.

— Ты же понимаешь, что она не успокоится? — дед смотрит прищуренно, так он всегда делает. — Я такой тип людей знаю: пока своё не получит, всем горло перегрызёт.

— Как я её заткну? — раздражение прорезается в голосе. — Она хотела остаться на тёплом месте, найти в моём лице папика, который будет обеспечивать её прихоти.

— Как хочешь, так и заткни, — дед рывкает так, что бабушка на кухне звякает чашками. — Она не должна выносить сор из избы. И вообще, Костя, — он наклоняется вперёд, — я тобой недоволен. У тебя красавица-жена, вот и уделяй время ей. И чтобы я больше не слышал о твоих похождениях налево. Иначе ничем хорошим это не закончится.

Я стискиваю зубы.

— Уже, — бросаю коротко. Горло першит.

— Инна узнала?

— Да. И хочет развод.

По взгляду деда понимаю: сейчас будет самое неприятное.

— Ты же помнишь о моём условии? — в голосе не угроза, а факт. — Десять лет брака. Не меньше. Разведёшься сейчас — и я перепишу управление Фрешмаркетом на совет директоров. Уж несколько умных мужчин разберутся точно, в каком направлении двигать бизнес. Либо ты всё же научишься беречь свою семью.

Он смотрит на меня долго.

— Я же счастья тебе хочу. Не смотри на меня так. А, хотя, — дед взмахивает рукой уставшим жестом. — Думай что хочешь. Да, дед твой самодур.

Самоирония, которая не облегчает абсолютно ничего. Не скажешь Инне такое. Если она узнает, подумает, что я женился на ней только из-за его условия. На фоне того, что произошло, это добьёт окончательно наш брак. А ведь нет... Богом клянусь, нет.

После того как дед основательно прополоскал мне мозги, я выбрался на улицу. Загрузился ещё сильнее. К проблемам с женой добавились мысли, что и бизнес может пойти в тартарары.

Телефон вибрирует. Сообщение от службы безопасности. — Инна в отеле “Жемчужина”. Номер оплачен на неделю.

Дорогие читательницы,
Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Скандалный развод"

Селена Лан "Развод. Цена искупления"
 <https://litnet.com/shrt/hNe1>

Я столкнулась с предательством мужа. Он прохлаждался на курорте, пока наш больной сын ждал отца дома. Переборов гордость и боль, я полетела к нему, чтобы спасти семью и будущее нашего ребенка.

Глава 11 Инна

Сначала я думала просто надеть наушники, лечь в кровать и сделать вид, что меня нет. Включить шум дождя, завернуться в одеяло, спрятаться от всего мира. Но спустя пять минут стало ясно — не хочу этой встречи. Не готова. Ни морально, ни физически. От одной мысли, что Костя появится в дверях, желудок сжимается.

Какие у меня варианты? Остаться здесь нельзя. Родители отпадают сразу: вопросов будет больше, чем ответов, а сил на объяснения нет. Квартира? Я пока даже не выбрала, где буду жить. Другой отель? Да. Это единственное, что приходит в голову.

Быстро начинаю собирать вещи. Не складываю, швыряю. Джинсы, косметичка, зарядка, документы. Всё валится в чемодан в хаосе. Каждая секунда будто отмерена. Я понятия не имею, сколько времени понадобится Косте, чтобы меня найти. Но его служба безопасности — это не люди, а тени. Найдут кого угодно и где угодно. Счёт — не на дни, на часы.

Номер оставляю за собой специально, пусть думает, что я всё ещё здесь. Заказываю такси, выхожу почти бегом. В зеркале лифта — отражение женщины, уставшей и злой, с тенью паники в глазах. Не думала, что доживу до дня, когда буду убегать из отеля от собственного мужа.

Таксист попадаетесь разговорчивый, но я делаю вид, что

сплю. Он, кажется, понимает и замолкает. Ночной город за окном мигает вывесками и фарами — всё так обыденно, будто в мире ничего не происходит. Только внутри всё дрожит.

В новом отеле всё попроще: узкий коридор, мягкий свет у ресепшена, запах кофе и дешёвых духов. Беру самый простой номер. Главное, чтобы было чисто и тихо. Включая ночник, распаковываю чемодан наполовину, остальное оставляю, вдруг опять придётся бежать.

Сон не идёт. Лежу, смотрю в потолок, потом сажусь с ноутбуком прямо на кровати. Открываю сайты с объявлениями о сдаче. Рассматриваю фотографии квартир одну за другой. Глаза режет, но остановиться не могу. Хочу просто найти своё место, где будет комфортно. В какой-то момент ловлю себя на том, что читаю одно и то же объявление по третьему кругу, мозг уже не работает.

Засыпаю ближе к трём ночи, в одежде, с ноутбуком на коленях. Утром просыпаюсь разбитая, будто и не спала вовсе. Голова гудит, кофе не спасает, макияж не помогает.
 В офисе девочки сразу замечают:

— Инн, ты живая вообще? Может, в отпуск? — осторожно предлагает Мила.

Это у них всегда так — забота, завернутая в шутку.

— Не могу сейчас, — отвечаю коротко, наливая себе ещё кофе.

— Да ладно тебе. Марк тебя подменит, правда, Марк? — подмигивает Даша.

Марк поднимает голову от монитора, моргает, не понимая, что от него хотят:

— А? Что? Конечно, если надо.

Мила фыркает:

— Видишь, всё решено. Лети куда-нибудь, отключись от всего.

Я усмехаюсь, но на душе пусто. Даже мысль об отпуске кажется совершенно нереальной.

— Девочки, правда, не сейчас. Слишком много дел.

— Когда планируешь? — невпопад вставляет Марк.

— Пока что не планирую. Но девочки уже успели всё продумать.

— Не обращай внимания. Им просто самим отпуск светит только через пару месяцев. Да и тот в Подмосковье.

— Но-но! Я вообще-то не нищесбродка какая, — возмущается Мила. — Накопила на приличный отпуск.

— Где? В Турции? — ехидничает Марк, параллельно стуча по клавиатуре ответ в мессенджере.

Иногда я поражаюсь его многозадачности.

— А чем это Турция плоха? Кто-то зажрался, я тебе так скажу. И это точно не я. У меня нет богатого мужа, который возил бы меня по миру, я зарабатываю сама, — отчитывает его Мила.

Я так понимаю, что камень в огород про мужа в мою сторону. Но тут уж как есть. Ничего не попишешь. Только это ненадолго. В скором времени я тоже стану самостоятельной.

— А вот насчёт меня ты прав, мне светит именно Подмосковье, — грустно вздыхает Даша.

— Давайте вернёмся к работе, я же уже сказала, что никакого отпуска у меня не будет. Не в ближайшее время.

— Тогда хотя бы в спа на денёк, — сведя бровки домиком, не сдаётся Мила.

— Посмотрим, это проще организовать.

Вспоминаю, что последний раз была в спа месяца два назад, и мышцы уже просят массаж, а кожа какое-нибудь шоколадное обёртывание.

Скрываюсь за монитором, наклеив дежурные патчи под глаза.

Отработав день, возвращаюсь в отель усталая, как выжатый лимон. Хочу только горячий душ, пижаму и чтобы никто не трогал. Но не успеваю даже пройти мимо ресепшена, как администратор зовёт:

— Инна Борисовна, вам тут доставка.

Я оборачиваюсь и на стойке вижу огромный букет белых роз, свежих, идеально распустившихся, с капельками воды на лепестках, будто только что с витрины.

— Ошибка какая-то, я ничего не заказывала, — растерянно произношу.

— Нет, всё верно. Вот, — девушка протягивает лист бумаги. — Я взяла от доставщика распечатку.

На листе чёрным по белому: «Получатель — Разумова Инна Борисовна».

— Спасибо, — выдыхаю, хотя в груди всё уже холодеет.

Поднимаюсь с цветами в номер, и по дороге от их запаха начинает слегка кружиться голова. Белые розы. Любимые. И он это прекрасно знает.

Закрыв за собой дверь, ставлю букет в ванну, чтобы не завял, и начинаю обрезать стебли. Пальцы дрожат. И действительно, среди листьев и шипов нахожу сложенную вдвое маленькую записку. На ней всего два слова:

«Прости меня».

Ни подписи, ни сердечек, ни длинных извинений — ничего. Но и без этого ясно, чья это работа. Костя. Блин. Суток не прошло.

Сажусь на край ванны, глядя на цветы, и чувствую, как раздражение медленно растёт. Это что, теперь так будет? Цветы вместо разговора? Подарки вместо честности? Или он думает, что можно купить прощение, как новую рекламную кампанию — вложился, подождал и получил нужный результат?

К вечеру успокаиваюсь, решаю, что не буду реагировать. Пусть сам приходит, если так сильно нужно. Пусть скажет всё в лицо.

Но на следующий день история повторяется. Когда возвращаюсь с работы, администратор снова машет мне рукой: — Инна Борисовна, ещё одна доставка!

На этот раз — коробка с клубникой в шоколаде и бутылка шампанского. На крышке — аккуратная наклейка с золоты-

ми буквами: «Для самой красивой женщины».

Я фыркаю. Банально до невозможности. На телефоне в тот же момент всплывает сообщение:

«Готова поговорить?»

— Вот теперь точно подкуп, — бормочу себе под нос.

Цветы, конфеты, алкоголь... Даже если бы вместо клубники был браслет от Cartier, ничего бы это не изменило. Измена не перекрывается ни роскошью, ни вниманием. Он выбрал другую. Всё остальное — оправдания.

На следующий день выматываю себя до изнеможения: встречи, звонки, просмотр квартир. Хожу по Москве, как по минному полю, везде воспоминания. Вечером мечтаю только об одном, упасть на кровать и отключиться.

Но не тут-то было. Стоит свернуть к отелю, как дорогу мне преграждает знакомый чёрный Mercedes. Фары моргают. Я останавливаюсь. Он выходит.

Выглядит, как всегда безупречно: тёмный костюм, лёгкая небритость, уверенная походка. А у меня внутри всё сжимается в комок, злость, усталость, страх и какое-то почти физическое отвращение к тому, что он снова стоит передо мной.

— Явился, не запылелся, — выдыхаю, скрещивая руки на груди.

Дорогие читательницы,
Хочу познакомить вас с но-

винкой литмоба "Скандалный развод"

Кира Туманова "Развод. Ваша честь, я возражаю!"

<https://litnet.com/shrt/yds7>

Чужой брак стал нашим общим делом

Глава 12 Инна

Подхожу к машине.

— Припаркуйся нормально, ты проезду мешаешь.

Костя, облокотившись на дверь, даже не думает шевелиться. Холодный свет фар выхватывает из сумерек его лицо, уверенное, собранное, чуть усталое.

— А ты в это время уйдёшь? Снова прятаться будешь? — спрашивает спокойно, но с вызовом, и я замечаю, как он машинально засунул руку в карман брюк. На запястье блеснули часы Garmin, массивные, с металлическим корпусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.